

Галопирующий собиратель мётел.

Галопирующий собиратель мётел был светел. Он светился столь ярко, что ослеплял всех носившихся по стадиону фанатов, и разлитое свечение его плеч проникало в жилы и сердца людей, покрытых великолепным озарением зари заморского роя райских куц в одной отдельно взятой республике. Его галопирующие крылышки раскрывались подобно бриллиантовым безупречным лебединым листочкам если взгляд чей остр вниманием к преподобным мелочам. Он был само совершенство, и силу его искусства по праву ценили ведьмы, клейкими толпами валившие к подножию его безумия. И он галопировал снова и снова, и вспышки его ядерных взрывов вновь и вновь ублажали знатных и достопочтеннейших фанатов его соколиного бега, ведь он был рождён от индуса и таймырки, величественный полусокол-полуконь. Его перья развевались вервью шестого флага последнего десятилетия. Он отстукивал монотонными копытцами в такт каплям разлетавшегося огня, а на блестящую лысину его неба ворохом возносились галопирующие стайки. В них в восточный пляс пускались особо натренированные куры-наседки, откормленные на гвинейских кроватках особого посола и невозможного уровня кальцинированности. Деревья его ресниц пережёвывали поля и поляны, леса и лисиц, болото и батут, а зеркала его глазниц блюдцами зрачков разносили под ключами кастильских сводов барабанное рыночное эхо. Морщинистые сварщики в длинных резиновых болотных сапогах стрелами страстно обожали собирателя мётел, что вместе с ведьмами объединяли в единый разум колониального организма, несравненно мазавшего щёки, отправляя чугунный томагавк на тропу войны грозных кос. Ведьмы несутся ракетами, цапают мётлы, расхищают личное имущество Галопирующего. Поздно ночью в тёмном подвале при свидетелях, обладающих дубиновыми резинками зодиакального круга замкнутости, синтезирует галоперидол злейший товарищ Галопирующего – Известковый Доктор в накрахмаленном халате. Наивный! Он тщится надеждой на светлое будущее, где всё станет в пределах нормальности, видя в ней счастье. Напрасно! Небрежны его действия! Безумен счастливец столь же, сколь счастлив безумец, ибо лишь окончательно безумный может быть окончательно счастливым, и лишь обделённый умом способен на подвиг быть счастливым беспредельно. Интеллект есть форма безумия, которое являет собою форму ума, ведь едина радость человека, лишённого рассудка в степени равной с обретшим прояснение ума. Ум в его чистом виде есть проявленная форма Пустоты, ибо конечная точка его наличия порою неотличима от конечной точки его отсутствия, но лишь ум способен путём старательного погружения в перипетии корней глубинных терний дойти до естественности, обеспеченной полным отсутствием себя, ибо ум – всевелико бесполезная для вселенной штука, поскольку нужна лишь для того, чтоб быть лишним звеном, помогающим самому себе прийти к идее необходимости отсутствия самого себя. Мантры читали капли Реальности на жидком стекле зелёных потёков всеохватного будущего, нитями или желторотыми резинками выглядывающего изнутри. Галопирующий плёл силиконовую паутину против армии восставших, он танцевал, словно восьмирукое пламя на угольных всполохах, зацикленных повторяющимся кадром в голове, словно ароматическое бензолное углеродное кольцо, застрявшее проблесковым маячком в межсинаптических нейросвязях. Галопирующий пел дифирамбы, исполнял гимны, дудел в свою мировую дуду, где готические ноты его экваториальных цветов утонули в океанах разрастающихся гор, пластом пластунской полосы сносивших бескрайние просторы Таймырской тундры. Восхитительно он гонял по всплескам речных волн оголтелые тапки, умытые в душевной пене давно позабытого прошлого. Он радовался победе над ведьмами. Они окружали его крепкое пряничное тело крутящимися колёсами да вихрями камней, жемчужными брызгами ледяного неба. И он вновь и вновь парил на загравке одной чайки, сочетая в себе кривую статность кобыльего хвоста и меткость соколиного глаза. И соломинка его представлений скрывала от ветра вечнозелёные ели недоеденной радуги. Теменным косогорком сокрыты были изначально невозвращённые смыслы, и в их всеведомственности гниения проступала горькая миндалевидная данность медальной долины. Он цеплял ветви слухов под пыхающие хороводики Фудзиямы, именное представление гусеницами Шпицбергена разлеталось в маленькие осколки, раскалённые части. Что являло собой правду? Оно являло собой бесконечную ложь, закрученную в восьмёрку, вывернутую наизнанку невероятности, и неведомым путником происходило на грани и окраины самих сознательных рубежей. И это там нежнейшие лепестки нового взрыва, радиоактивные всполохи молодой зари очередной череды перерождений, уносящих в бесконечную плоскость измерений и Галопирующего Собирателя мётел, и доктора-галоперидольщика, и соколиного коня, и летающую крыску, и белоснежную чайку, и чайный нос, и безумного часовщика, а также шляпника, и окончательно безупречный конец хвоста кометы на плече Его Величества Безумия.

01.03.2010 г.